

М.А. МЕДВЕДЕВА
(Волгоград)

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ СВЯЩЕННИКОВ В ПРОЗЕ Р.П. КУМОВА

Рассмотрены различные модификации образов священников, ставших центральными героями прозы донского писателя рубежа XIX – начала XX века Р.П. Кумова. Выделены особенности творческого метода, специфика психологических портретов, лирико-романтическое начало.

Ключевые слова: Кумов, православная литература, рубеж веков, образ сельского пастыря, типология, психологизм, лирико-романтическое начало.

Творчество донского писателя Романа Петровича Кумова (1883-1919 гг.) относится к Серебряному веку русской литературы. Однако имя его долгие годы не было известно широкому кругу читателей. Лишь в последние два десятилетия стали переиздаваться некоторые произведения и появились первые работы о творческом пути писателя. Его место в контексте художественных исканий русской литературы XIX - нач. XX вв. по-настоящему не определено. Между тем, уже после выхода первого сборника рассказов «Бессмертники» (1909) Р.П. Кумов заявил о себе как писатель духовно-религиозной ориентации. Главными героями большинства его произведений являются представители православного духовенства.

Образ священника в рассказах Кумова тесно связан с темой духовного подвижничества. Автор романтизирует своих героев, самозабвенно служащих идее духовно-нравственного преображения действительности, воплощающих евангельские идеалы в обыденной жизни. С.В. Пинус, один из членов усть-медведицкого литературного кружка, в который входил писатель, дал точное определение его творческого метода: «Кумов – романтик. Бытовое содержание его рассказов всегда погружено в проникновенный идеализм и куда-то зовущее раздумье и настроение. Идею, мечту, психологическую загадку, а не факт кладет Кумов в основу не только содержания, но и фабулы своих произведений» [3, с. 228].

Образы лиц духовного звания занимают немалое место и в творчестве писателей-реалистов – современников Кумова. Так, в произведениях А.П. Чехова, по наблюдениям А.Н. Розова, – 38 служителей церкви, в том числе – 11 священников. Среди его героев, носящих рясу, есть как положительные, так и отрицательные типы, однако писатель никогда не писал о них с пренебрежением [5, с. 49].

В образе протопопа Савелия Туберозова из романа Н.С. Лескова «Соборяне», рисуется тип идеального пастыря. Отец Савелий – живой, умный, образованный, деятельный человек. Он переживает немало невзгод, самоотверженно исполняя свой пастырский долг. И в этом он близок кумовским священникам. Изображая своего героя, Лесков во многом опирается на житийную традицию [Там же, с. 37–39].

В творчестве богоборчески настроенного писателя Л. Андреева доминирует негативное изображение священнослужителей. Таков, например, мрачный образ отца Василия Фивейского, перешедшего от маловерия к религиозному фанатизму. При этом герой Андреева так и не стал духовным наставником своих прихожан.

Образы служителей церкви встречаются и у крупнейшего донского писателя рубежа веков Ф.Д. Крюкова. В рассказах «К источнику исцелений», «Без огня», «Сеть мирская» он, по наблюдению В.Н. Запевалова, рисует характеры чутких, близких к народу священников и монахов, но его больше интересует их роль в общественной жизни [2, с. 333].

Для Кумова же образ сельского пастыря является центральной фигурой его творчества. В основе сюжета повести «Отец Георгий» (1906) – судьба молодого сельского священника, который, стремясь воплотить свои юношеские идеалы истинного служения Богу, Церкви и людям, вместе с матушкой переезжает из города в глухой степной хутор.

Очень скоро он знакомится со всеми своими прихожанами, так похожими друг на друга: ... *всегда перед ним стоял один и тот же человек: измученный заботою о куске хлеба, никогда не мечтав-*

*ший подняться вверх и окинуть единым оком все окружающее, приходивший смиренно в церковь, как в дом Бога, о Котором он слышал всю свою жизнь и которого никогда себе не представлял сознательно и ясно**.

Важнейшей стороной своего служения отец Георгий считал деятельное проповедничество. Находясь на службе духовному просвещению простого народа, батюшка, не щадя сил, не только проповедовал в храме, но и проводил вечерние беседы у себя дома, подкреплял свои слова личным примером. Особенно возрос интерес прихожан к проповедям отца Георгия после того, как он, рискуя жизнью, вынес из горящего дома татарского мальчика. Благодаря беседам с батюшкой, решил принять крещение отец спасенного ребенка, татарин Измаил, обрел веру в Бога неверующий доселе «профессор».

Кумов подчеркивает бескорыстие своего героя: *Отец Георгий никогда не требовал платы за требы. <...> Крестьяне не придерживались строго порядка «давать» за каждую потребу. Требы шли сами собой – плата сама собой. И в глазах крестьян таинства, молебны, панихиды не оскорблялись соединением с ними известной платы...* Кроме того, излишек священник отдавал бедным крестьянам, что еще более поднимало его в глазах прихожан.

Самоотверженное служение отца Георгия было недолгим. Он знал, что *«свеча, если огонь на ней велик, горит скоро»*. Из-за колоссального напряжения духовных и физических сил отец Георгий серьезно заболел. Батюшка скончался, оставив после себя добрую память в сердцах прихожан.

В рассказе «В гостях у батюшки» (1909) Кумов рисует образ священника, трагически разобщенного со своей паствой. История отца Александра постепенно открывается случайным гостям батюшки – двум студентам и двум курсисткам, которые были вынуждены провести в селе Гавриловке Страстную неделю и встретить Пасху.

О непростой жизни сельского священника свидетельствует его внешний облик: *Лет сорока. Среднего роста. Худой. Большая черная запущенная борода. Глаза провалились глубоко под лоб и смотрели оттуда устало, с неведомой тоской, как смертельно раненый олень. Он показался молодежи очень слабым: дунь ветер и он упадет...* Внутренняя духовная жизнь отца Александра скрыта от глаз его гостей. Для молодых людей он «странный», «оригинал», однако они быстро начинают понимать, что священник глубоко страдает.

От местных крестьян молодые люди узнают, что батюшка бескорыстен и одинок. Матушка умерла во время эпидемии холеры, заразившись от женщин, за которыми ухаживала. Один из прихожан дает священнику не очень лестную, с его точки зрения, характеристику: *... сана своего не соблюдает. Бабам на огородах помогает <...> А то еще хуже: вроде как будто повитуха <...> сам недоедает, а какие-то там спрынцовки выписывает из города... Несерьезный он человек!.. Ты знай – служи, благолепно служи, а не так, чтобы скороговоркой <...> Исповедовать начнет, нужно больше строгости, крикнуть, топнуть ногой, чтобы разобрало, а он плачет. Как маленький хнычет...*

В пасхальную ночь курсистка Зиночка слышит печальную исповедь из уст самого батюшки: *И когда я приехал и в первый раз воссел, как пастырь, на этой вечери, я мечтал: будет время, и я сделаю этих людей, сидящих со мною, разумными, добрыми, счастливыми... А вот жизнь прошла, я измучился, а село такое же грубое, темное, – и эта пасхальная вечеря – уже не греза, а призрак, кошмарный призрак...*

А.Н. Розов отмечает, что Кумов убедительно передает трагичность отчуждения пастыря от паствы, его духовное одиночество [5, с. 46]. Не видя духовного преображения паствы, священник заключает, что его служение не принесло никакой пользы. Однако автор вместе с Зиночкой верит, что результат жизни батюшки «не нуль» и Бог оценит его труды.

В небольшом рассказе «В глуши» (1908) Кумов создает трогательный образ отца Григория, человека «не от мира сего», «старика-младенца», который «в своем домике – среди необъятных степей – был маленьким образом, выхваченным из Евангелия, – кротким, наивным и святым».

*Тексты рассказов здесь и далее цитируются по изданию: Кумов Р.П. Избранное / сост. В.И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008.

Отец Григорий, взявший на себя подвиг молиться за весь мир, рассказывает своему гостю сказку о цветах-бессмертниках, которые, по слову Господа, умерли, чтобы жить вечно. Батюшка замечает, что и в нашей жизни есть люди, которые *«о вечной жизни молятся и, изнуренные подвигом, умирают»*. Сказка о бессмертниках – народный отклик на евангельские слова *«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12; 24).

О таких *«бессмертниках»*, *«которые страдали и умерли, о тех, могилы которых остались без креста, о тех, которые озлобились и ожесточились в тяжелой борьбе»* не зная устали молился сельский батюшка, исполнивший евангельскую заповедь *«Будьте как дети»*, *«таковых бо есть Царство небесное»* (Мф. 19; 14).

Отец Василий из рассказа «Степной батюшка» (1909) – еще один кроткий подвижник веры. Его образ неразрывно связан с миром природы, донской степью. Автор относится к своему герою с особой лирической теплотой: *Откуда-то издалека пришел он и поселился в хуторке, в низеньком старозаветном домике... Кругом него степь, белесоватые курганы, церковка, вся в степных запахах, заросшая мхом и травами, кругом него земля – чистая, благовонная, богатая глубоким тучным черноземом, со своими вековыми песнями, преданиями, верованиями. Он пришел, раскрыл свое евангелие и начал учить <...> Он учит, а тихое учение сливается с тихим днем, тихими полями, тихим селом... Сам того не замечая, он сливается с землею – кроткою, благовонною, чистою...*

В рассказе напрямую не сказано о деятельности отца Василия в его приходе, однако читатель понимает по нескольким оброненным фразам, что жизнь «степного батюшки» полностью посвящена его пастырскому служению: *... читать-то редко приходится, приход отнимает все время. Один я тут!*

Простой сельский священник способен глубоко чувствовать прекрасное. Отец Василий восторгается красотами природы, радуется дождю, редкому в этих краях, ночью импровизирует на скрипке для своего гостя. Батюшка признается рассказчику, как дорога ему скрипка. Способность выразить свои самые сокровенные чувства и переживания в музыке помогает ему в нелегком служении: *Наша глушь имеет свои прелести и свои ужасы, а я человек, как-никак.*

Герой-рассказчик, захотевший посетить отца Василия во второй раз, уже не застает его в живых. Матушка вспоминает, что даже сильно простудившись, он не оставлял своих пастырских трудов до последнего часа. Почувствовав приближение смерти, батюшка кротко принял ее. Он совершил положенные таинства, трогательно попрощался со своими прихожанами, искренне любившими его, спокойно обсудил с матушкой бытовые вопросы, касающиеся погребения, и тихо, с молитвой на устах, умер: *... зевнул как-то и заснул... умер... Тихо так, словно ангел.* Это смерть праведника, который, подобно житийным подвижникам, принимает ее с глубоким смирением и умирает с молитвой на устах. Ср. «Житие Кирилла Белозерского»: *когда приблизился час отхода его к Господу, все братья приходили к нему и целовали его со слезами, прося последнего благословения. А он, как чадолюбивый отец, всех целовал, ко всем выказывал любовь, всем последнее благословение оставлял и сам у всех прощения просил. А в самый тот час, когда должен был святой от союза с телом освободиться, он причастился пречистых и животворящих тайн Христа Бога нашего и мирно и тихо отдал Господу свою пречистую трудолюбивую душу с молитвой на устах [1].*

В рассказе «На вылете» (1908) Лена, невеста семинариста Семенова, заставляет его по-новому посмотреть на служение священника. Его отец – сельский священник Димитрий. В хуторе его окружала *«тихая, здоровая, радостная жизнь»*. Прихожане у отца Димитрия были: *«... наивные, светлые, доверчивые. Когда читали святые книги – улавливали оттуда только восторг, умиление, безгрешность»*. Таким же восторженным, чистым и светлым был и сам батюшка. Но для Лены настоящее священство – подвиг, страдание вместе со Христом, и она полагает, что священник должен быть другим:

между Христом и им – целая пропасть. Отец Димитрий – уже святой, он невинен и радостен, как ангел, а Христос – полон печали, тоски, Он взял на Себя все грехи, все страдания.

В галерее образов священников, созданной Кумовым, представлены разные типы служителей церкви, стремящихся внести в народную жизнь духовное начало. Не всем героям писателя удастся найти отклик в сердцах своих прихожан, но всех их объединяет самоотверженность, готовность служить духовно-нравственному преображению жизни на евангельских началах. Образы сельских батюшек, их психологические портреты носят, в отличие от большинства писателей-современников Кумова, лирико-романтический характер, они проникнуты неподдельной любовью автора к своим героям, восхищением их каждодневным духовным подвижничеством.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ. под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понько. СПб. : Наука, 1999. Т. 7 : Вторая половина XV века. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru>.
2. Запевалов В.Н. Кумов Р.П. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь. М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 364–366.
3. Заяц А.А. Кумов Р.П. // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 227–229.
4. Кумов Р.П. Избранное / сост. В.И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008.
5. Розов А.Н. Заметки о церковной критике. Образ священника в русской литературе // Русская литература. 2001. №4. С. 32–50.

Рекомендовано к публикации:

А.Х. Гольденберг, доктор филологических наук, профессор